

СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ

СОЦИАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ

В.А.Ядов

Радикальные социально-экономические изменения, происходящие в России, приводят к утрате прежних социальных идентичностей, солидарностей. В каких социальных группах формируются новые идентичности, в какой мере сохраняются прежние, какова их структура и динамика? В статье излагаются результаты эмпирических исследований, которые были начаты в 1992 г. с использованием различных методов и техник, предлагается их теоретическая интерпретация. В статье излагаются результаты проекта 1991-94 гг., субсидированного в 1993/94 гг. Российским фондом фундаментальных исследований*

I. Программные положения исследования

1. Обозначение предмета исследования

В исследованиях личности нет более фундаментальной проблемы, которая могла бы сравниться с изучением механизмов и следствий формирования самоопределения человеческих индивидов в сообществах им подобных. Простейшие вопросы: какое сообщество индивид принимает как свой "социум"? Где границы этого сообщества и как оно связано с другими, какова его собственная позиция в этих взаимосвязях?

Строго говоря, самоидентификация человеческих индивидов является во всех ее проявлениях социальной. Маугли отождествлял себя со стаей волков, не будучи волком, первобытный человек ограничивал социум своим

---

* Авторский коллектив: В.А.Ядов (руководитель проекта), Т.С.Баранова, Е.Н.Данилова, О.Н.Дудченко, С.Г.Климова, Т.З.Козлова, А.В.Мытиль. Более полные данные опубликованы в двух выпусках Института социологии "Социальная идентификация личности", М, 1993, и "Социальная идентификация личности — 2" (1994), а также в журнальных статьях (см. литературу). Раздел 2. Написан Е.Н.Даниловой; разд. 3 часть 1-я — обобщения некоторых результатов, полученных Т.Барановой, О.Дудченко и А.Мытиль, С.Климовой, Т.Козловой

племенем, а внук Аркадия Гайдара стал премьером Правительства, проводящим рыночные реформы и отрицающим идеалы коммунизма.

Между тем, в исследовании фундаментальных проблем самоопределения индивидов в человеческом окружении психология и социология выделяют свои особые области. Психология, во—первых, концентрирует интерес в сфере исследования психических механизмов самого процесса идентификации и, во—вторых, "точкой отсчета" обозначает самого индивида, т.е. изучает его САМОидентификацию, начиная с физического (организмического) самоопределения и кончая самоопределением в нравственном "пространстве". Социология такой "точкой отсчета" полагает социальные группы, сообщества и интересуется социальным механизмом самоопределения индивидов в многообразных группах. Наш проект является междисциплинарным — то есть мы, конечно, стремимся установить некоторые фактические основания процессов социальной (в данном случае — групповой, "социумной") идентификации личности, используя в получении и в интерпретации данных и социологический и социально — психологический подходы.

В настоящий момент происходит ломка социальных идентификаций огромных масс людей. Человек должен определить, к какой социальной группе он себя относит является ли он работником государственного или частного сектора, государственным служащим или предпринимателем, русским или гражданином России, бедным или богатым. Несомненно, ломка социальной идентификации в российском обществе, будучи подлинной трагедией для многих людей, представляет собой, тем не менее, уникальную экспериментальную лабораторию для изучения общих механизмов социальной идентификации личности.

2. Проблемная ситуация

В **теоретическом** плане, как уже говорилось, проблема социальной идентификации личности — одна из фундаментальных. Социальная природа человека предполагает, что он стремится к включению в социум (в общность) и вместе с тем — к выделению из социума в качестве индивидуальности [1]. Социальная идентичность есть осознание, ощущение, переживание своей принадлежности к различным социальным общностям — таким, как малая группа, класс, семья, территориальная общность, этнонациональная группа, народ, общественное движение, государство, человечество в целом... Чувство принадлежности к социальной общности призвано выполнять важные социальные и социально — психологические функции обеспечивает подчинение индивида социальной группе, но, вместе с тем — групповую защиту и критерий оценки и самооценки.

Структурно — функциональная парадигма социологического теоретизирования акцентировала внимание не столько на самосознании (и самоидентификации) индивидов, сколько на уяснении макроструктурных (экономических, социокультурных и иных) механизмов социализации, грубо говоря — адаптации личности к формам социального бытия и взаимодействия. Конечно, без прохождения стадии адаптации невозможно представить себе развитие социального субъекта как деятельного агента, формирующего новые социальные структуры и отношения. Будучи применима к относительно стабильному обществу (более или менее устойчивая система генерализованных ценностей, сложившаяся форма социального неравенства, легитимные политические институты и т.д.), логика социализации плохо

описывает социальные процессы в обществе, переживающем радикальные изменения решительно во всех без исключения социальных институтах, в системе ценностных структур и повседневных обыденных взаимоотношениях между людьми, между индивидами и социальными институтами и организациями.

В тоталитарном обществе социальная идентичность есть идентичность прежде всего государственно — гражданская. В советском обществе это находило свое выражение в безусловном требовании принятия официальной идеологии и системы ценностей "советского человека", в безоговорочном признании и демонстрации государственно одобряемых верований, суждений, оценок, в ритуализированных действиях всенародного энтузиазма, в множественности официальных знаков признания индивидуального успеха именно со стороны государства и его бюрократических структур (почетные звания, награды, дни праздников представителей определенных профессий) и, наконец, в идеологии осуждения "врагов народа" и инакомыслящих, то есть тех, кто отвергает свою идентичность с правящей элитой и только поэтому получает клеймо чуждого элемента в обществе.

Крах тоталитарной системы есть процесс становления новой социальной субъектности. Это — драматический процесс осознания своего особого интереса, отличного от интересов других в ситуации неопределенности представлений относительно общего интереса. Вследствие отсутствия гражданского общества и правовых основ выражения интересов различных групп населения, каковые были присвоены тотально — бюрократическими структурами власти, всякий общий интерес воспринимается с величайшим подозрением как интерес плутократии, либо иной группы, преследующей своекорыстные цели. По сути имеет место конфронтационный плюрализм многообразных элит (политических, в сфере экономики и культуры, этнонациональных и религиозных), каждая из которых стремится расширить "символический капитал" своего влияния и конструирования социального, политического, экономического, культурного, идеологического пространства [2].

Становление социально — групповой идентичности в этих условиях оказывается трудно предсказуемым и далеко неоднозначно интерпретируемым, даже если мы располагаем какими-то достоверными данными, хотя бы об отдельных составляющих этого процесса.

Практическая значимость исследования состоит в следующих моментах.

Изучение представительных массовых данных доминирующих тенденций формирования социальной идентичности — важная информация о становлении реальных социальных субъектов в условиях радикальных социально — экономических преобразований.

Социальная идентификация опосредует влияние группы (общности) на социальное поведение индивидов. Поэтому представительная картина тенденции развития социальной идентификации вместе с тем является основой для более аккуратных прогнозов массового социального поведения различных групп населения.

Социально — идентификационные процессы лежат в основе формирования более или менее устойчивых социальных интересов, т.е. являются механизмами формирования гражданского общества. Вместе с тем знания о доминирующих направлениях социальной идентификации вы —

ступают основанием для прогноза социальной базы различных политических партий и движений.

3. Некоторые теоретические предпосылки

Общесоциологические основания становления социальной идентичности хорошо известны и описаны в классической литературе. Это — общественное разделение труда, отношения собственности и власти, различия статусов и ролей, связанных с ними, несходство и различия культур, исторических судеб народов и этносов, борьба за ресурсы и формирование многообразных общностей на основе общности условий их жизнедеятельности, то есть интересов, отличных от интересов других общностей.

Психологические механизмы формирования социальной идентификации также имеют богатую исследовательскую традицию [3]. В символическом интеракционизме подчеркивается принцип осознания своей социальной позиции сквозь призму восприятия ее другими, то есть путем противопоставления позициям других групп и общностей. Таким образом, люди упрощают, схематизируют правила социального взаимодействия. В когнитивной психологии справедливо выделяется момент осмысления и обобщения сходства принадлежащих к данной общности или группе, в отличие от других, что сопровождается стереотипизацией, то есть эмоционально окрашенными, позитивными и негативными образами "своих" и "чужих", психоаналитическая психология акцентирует внимание на глубинных механизмах формирования социальной идентичности, коренящихся в беспокойстве и страхе утраты своего Я, ущемления потребностей и отсюда — проявления агрессивности в отношении других групп, представляющих реальную или мнимую опасность для данной группы или общности.

В работах Г.Тажфеля [4] и его школы акцентируются процессы трансформации социально — групповых категорий в категории самосознания личности. Заслуживает внимания подход южноафриканского психолога П.Приз [5], исследующего становление социальной идентификации в конфликтном обществе с точки зрения формирования различных проектов достижения "стратегических" целей групп и общностей: доминирования своей группы или защиты особых интересов перед угрозой их подавления.

Наконец, нельзя не подчеркнуть, что в современной феноменологической социологии (П.Бергер и Т.Лукман) и социологии П.Бурдьё, как и в теориях интеракционизма, четко обозначилось стремление совместить макросоциальную и социальную — психологическую парадигмы становления личности как активного социального деятеля — агента социумной и субъекта собственной жизнедеятельности. В этих подходах подчеркивается, с одной стороны, что индивиды как бы конструируют социальную реальность в контексте данной культуры, продуцируют модели социальных взаимоотношений, опираясь на собственные индивидуальные свойства (личностные диспозиции в том числе) и свойства других социальных субъектов, которые в свою очередь проявляются во взаимоотношениях с ними, таким способом люди формируют схемы социальных взаимосвязей в обществе и действуют в согласии с этими схемами. С другой стороны, не отрицается и роль на — индивидуальных, собственно социальных механизмов межгрупповых (межстатусных, социально — классовых и иных) взаимоотношений, каковые актуализируются в данном "социальном пространстве" и в данной культуре, находят свое выражение в обыденном общении, в языке культуры, его символической и социально — культурных смыслах общения, так или иначе

СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ

воспринимаемых личностью, становящихся смыслами собственного мироощущения индивидов — агентов социальных отношений.

Феноменологические подходы к исследованию социальных идентификаций — самоопределения индивидов в системе общественно — групповых взаимодействий — предполагают применение в изучении процессов идентификации "нежестких" методик, близких к тем, что традиционно используются в психологии (например, текст неоконченных предложений, семантический дифференциал). Этот подход реализуется в исследованиях Ю. Качанова и Н. Шматко, С. Климовой, О. Дудченко и А. Мытиль, П. Козыревой и Ю. Козырева [6]. В условиях социальной нестабильности и непрозрачности общественных взаимосвязей, межгрупповых взаимоотношений в частности, такой теоретический взгляд представляется вполне адекватным.

Суммируя сказанное в применении к процессам формирования нового самоопределения личности в условиях экономического, политического и социального кризиса общества, мы выделяем следующие главные параметры, категории для анализа.

Социальная первопричина формирования новой идентичности в посттоталитарном обществе. — разрушение прежних иллюзорных представлений об общности интересов индивида и государства, осознание обособленности интересов многообразных социальных слоев, этнонациональных, этнокультурных, региональных, территориальных, профессиональных и многих других при убеждении в отсутствии какой-либо социальной институции, способной создать механизм справедливого согласования этих многообразных интересов. Ни общепринятая система ценностей, ни право закона, ни авторитет харизматической личности — ничто не представляется сегодня арбитром в этом процессе.

Базисная социальная функция социальной идентификации — включение в систему социальных взаимосвязей, стремление индивида слиться с общностями и группами, которые обеспечат защиту их жизненных интересов, основных потребностей в самосохранении, развитии и самовыражении перед лицом реальной или мнимой опасности ущемления базисных потребностей другими группами, общностями и составляющими их индивидами.

Основной механизм социальной идентификации — сопоставление (или противопоставление) интересов, взглядов, ценностей, оценок, моделей поведения своей группы (общности) тем, которые полагаются не своими (или враждебными), интересы которых безразличны для данной общности или конфликтны.

Следует учитывать механизмы идеальной самоидентификации личности (идеальное Я) и ситуативной концепции Я. Это связано с множественностью условий и ситуаций социальной деятельности человека. Отсюда как следствие — иерархическая система идеальных социальных идентификаций с общностями разного уровня в относительно стабильном обществе (например, идентификация себя с человечеством и глубокая интернализация общечеловеческих ценностей, идентификация с народом, гражданская идентификация, идентификация в системе социального расслоения и т.д.). В обществе нестабильном эти иерархические системы также нестабильны, неупорядочены.

Функциональная социальная идентичность не противоречит идеальной в тех случаях, когда достижение личного интереса в определенной

ситуации совпадает с интересом группы или общности базисной (идеальной) социальной идентичности и, напротив, ставит человека в конфликтную ситуацию, делает маргиналом, когда ситуативный интерес вступает в противоречие с интересом "своей" группы (общности) и совпадает с интересом "не своих".

В посттоталитарном обществе конфликтность интересов и конфликтность социальных идентичностей усиливается из-за обостренного чувства несходства и противоборства групповых интересов, но с другой стороны, социальная идентичность ослабевает в силу той же неопределенности. Состояние маргинальности становится как бы нормой, привычным самоощущением, следствием чего — распад социальных связей и хаотическая смена неустойчивых социальных самоидентификаций, социальная апатия, снижение мотивации целеустремленной групповой деятельности, доминанта самосохранительного поведения.

Наконец, рассматривая эмпирические данные, относящиеся к формированию новой социальной идентичности и социальной субъектности, следует, видимо, учитывать типические особенности русского социального характера. Как показывают достаточно глубокие исследования [7], доминирующие особенности русского национального характера — повышенная терпеливость, готовность к самоограничению жизненных потребностей и относительно низкая социальная экстраверсия (т.е. склонность к минимизации активных контактов с другими, самоуглубленность), акцентированная эпилептоидность (по тесту ММРП), т.е. циклические чередования весьма умеренной и бурной активности, переходящей в агрессивность, высокий престиж социального статуса и отсюда склонность к принятию лидерства харизматических персонажей, вождей, пророков. Эти глубинные социокультурные черты не могут не оказывать влияния на происходящие сегодня процессы становления новой социальной идентичности.

4. Уточнение основных понятий и переменных

Идентичность и идентификация — эти понятия будут употребляться как обозначения некоторого состояния (идентичность) и процесса (идентификация), ведущего к данному состоянию.

Социальная идентификация — нестрогое обозначение групповых идентификаций личности, т.е. самоопределения индивидов в социально — групповом пространстве относительно многообразных общностей как "своих" и "не своих".

Самоидентификация — самооценка собственных личностных свойств и потенциалов в качестве деятельного субъекта, включая социорольевые, нравственные, психические, физические и иные качества, как они представляются индивиду в его собственном самосознании и в восприятии других, прежде всего со стороны референтных групп [8].

Функции социальной идентификации (идентичности): со стороны личности реализация базисных потребностей в принадлежности к группе (группам), обеспечении защиты, возможностей самореализации, оценки другими и влияния на группу (сообщество). Со стороны общества — включение индивидов в систему социальных взаимосвязей, социальных отношений.

Объекты социальной идентификации: многообразные социальные группы, которые могут быть классифицированы по нескольким основаниям:

СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ

— первичные (семья, ближайшее дружеское окружение) и многообразные вторичные группы;

— группы непосредственного, контактного общения (как товарищи по работе) и символические сообщества (как "мое поколение" или политические единомышленники);

— примордиальные (архаичные, традиционные) сообщества и группы, как, например, семья, поселенческие, этно—национальные сообщества в сравнении с "модерными", современными сообществами, как например, производственный коллектив, общности той же политической ориентации или разделяющие аналогичные взгляды и ценности, группы, занимающие аналогичное положение в системе социальной стратификации, граждане данного государства или сообщества государств;

— традиционно "советские" общности как объекты идентификации, например, трудовой коллектив, и "постсоветские", как, например, общность российских граждан или граждан СНГ, общности политических движений и партий.

Ситуации, или условия, в которых протекает процесс идентификации: относительно контролируемые субъектом и не поддающиеся его контролю.

Вектор направленности от группы, с которой индивид идентифицирован, к другим группам ("не своим"), как неприятие, враждебность, нейтральное отношение (безразличие) и отношение сотрудничества, конструктивного взаимодействия.

Оценка и самооценка как функции групповой идентичности по критерию "универсализм — партикуляризм" [9], т.е. как использование всеобщих критериев оценки для различных групп или особых критериев для особых групп и общностей.

Рациональность-иррациональность процесса идентификации как доминанта когнитивных и эмотивных механизмов, так или иначе влияющих на поведение (конативный компонент диспозиции) [10].

5. Основные гипотезы

Две наиболее ОБЩИЕ ГИПОТЕЗЫ, которые могут проверяться разными методами и на различных выборках, являются принципиальными ориентирами исследовательского проекта.

Первая основная гипотеза относится к СИСТЕМНО — СТРУКТУРНЫМ свойствам социальной идентификации. В прежнем советском обществе весь процесс социализации индивидов был однонаправленным и результировался в формировании достаточно определенной иерархии доминирующих идентификационных общностей, каковые приобретали кросситуативный характер. При всех обстоятельствах индивиду предписывалось соблюдать установленную иерархию: народ ("своя" большая общность), коллектив и далее — другие общности, где семья и круг ближайшего общения занимают промежуточное место в рамках идеологически устойчивой системы ценностей и предпочтений.

Следует ожидать смены этой парадигмы на принципиально иную, гибко — контекстуальную структуру идентификаций с ослабленным базисным "ядром". В этом случае целе—ситуативная, контекстуальная идентификация становится доминирующей соответственно динамизму общественной организации, тем более — неустойчивости социальных институтов общества, переживающего глубокие перемены во всех его составляющих.

Другой аргумент в поддержку этой гипотезы — глобальные процессы, происходящие в мировой культуре и развитие новой "глобальной ментальности", движение от так называемой модернистской к постмодернистской идеологии [11]. Первая опирается на верование в направленный социальный прогресс (научно—технический, экономический, демократизация социальных институтов), вторая исходит из постулата принципиального плюрализма культур, толерантности к особым интересам различных общностей, партикуляризации, доминирования прав человека как индивидуальности, ослабления централизованного контроля в экономике и политике. Хотя в данное время постмодернистская идеология совершенно не затронула сколь—нибудь заметные слои российского общества, его несомненная открытость к внешнему миру, международные контакты и более активное знакомство с западной культурой определенно будут способствовать развитию постмодернистского менталитета.

Контргипотеза состоит в том, что остается возможность рецидивирующей модернизации общества, возвратные сдвиги к авторитарному политическому режиму, усиление национализма и мессианской идеологии "особой исторической роли" России в соединении Востока и Запада. При таком повороте развития ближайшей истории нашего общества следует ожидать формирования противоположного по направленности структурирования социальной идентификации общностей (объектов идентификации) и одновременно ослабления целе—рациональных идентификаций за счет ценностно—ориентационных (см. ниже).

Вторая основная гипотеза касается МЕХАНИЗМА формирования идентификаций. Принципиально речь идет о прогрессивном сдвиге от ценностно—ориентационной доминанты к целе—рациональной. Развитие рыночной экономики и самоидентификации, "интернальности" (опоры на свои силы и способности) должны продуцировать целе—рациональные механизмы идентификаций.

Проверка этой гипотезы возможна лишь в длительном временном интервале. Но косвенная проверка возможна по целевым группам: предприниматели, интеллигенция, молодежь должны быть более чувствительны к социальным реформам и общественным изменениям. Если в этих группах обнаружится сдвиг, можно ожидать развития указанной тенденции.

Контргипотеза опирается на высказанное выше предположение о развитии "попятного" социального процесса — авторитарного государственного устройства, давления традиций давнего и недавнего (советского) прошлого, формирования националистического менталитета в российском обществе. В этой перспективе усиление ценностно—ориентационных механизмов идентификации личности представляется неизбежным.

Высказанные гипотезы и контргипотезы имеют также дополнительные социетальные и индивидуально—личностные обоснования

В нашем обществе дезинтеграция на уровне высших ценностей достигла апогея (разрушение мифа социализма). Интегрирующие функции каких—либо иных ценностей просматриваются в концепциях российской государственности.

Возможная политическая интеграция в новом сообществе не ослабляет напряжения с не входящими в него государствами бывшего СССР. Цели рыночной экономики роль генерализованных ценностей выполнить не могут. Аналогично с общечеловеческими ценностями, место

СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ

которых в иерархии ценностного сознания не самое престижное, если не хуже.

В этой ситуации человек с его глубинным стремлением к стабильности и уверенности в завтрашнем дне крайне фрустрирован. В 60—е годы Э.Фромм, Г.Маркузе [12], опираясь на Фрейда и Маркса, утверждали, что современное общество вообще лишает личность возможности опереться на суперэго (суперэго разрушается отсутствием традиционных нравственных опор). Человек в организациях и в бюрократической системе утратил традиционные, извечные опоры осуществления своих базисных потребностей: быть любимым, принадлежать к обществу (общине), действовать по привычке. Традиционная культура обязывает не задавать вопрос "почему и зачем", современная обязывает, но не дает разумных ответов на этот вопрос. Вебер, возможно, был слишком оптимистичен, полагаясь на человеческую рациональность и возможности ее "наращивания" по мере социального прогресса. По Фромму—Маркузе, иррациональность мира возрастает. Во всяком случае, в российском обществе наших дней иррациональность социальных структур, институтов, систем взаимодействий несомненна как фактор фрустрации и отчуждения в смысле утраты способности к внутренней гармонии.

Частные гипотезы проекта должны проверяться разными методическими средствами и на разных выборках. В их числе следующие.

— Гипотеза о функциях социальной идентификации. В условиях социального кризиса защитная функция будет доминировать над функцией самовыражения и самореализации личности. По мере преодоления кризисной ситуации будет усиливаться вторая функция.

— Динамика соотносительной значимости объектов социализации зависит от динамики преодоления социального и экономического кризиса. По мере выхода из кризиса значимость первичных и премордиальных групп должна ослабевать, вторичных и "модерных" — усиливаться.

— По мере выхода из кризисных и преодоления конфликтных ситуаций будет ослабевать вектор неприятия "чужих" групп и возрастать универсализм оценки и самооценки.

— Становление смешанной экономики, рыночных отношений, развития форм негосударственной собственности будет стимулировать укреплением целе — рациональных механизмов идентификации, ослабление ценностно—ориентационных.

6. Организация и методы исследования

Проект состоит из целого ряда "подпроектов" или частных исследований на разных выборках с использованием различных методик.

Соединительный "модуль" подпроектов: общая программа, жестко фиксированные социальные группы (возрастные группировки и социальные страты) и объекты идентификации, т.е. группы и общности, идентификация с которыми подлежит анализу.

Базисным подпроектом является мониторинг опросов по представительной общероссийской выборке (В.Ядов, Е.Данилова).

Проверка гипотез о сдвигах в КАЧЕСТВЕ групповой идентификации в период до начала социально — экономических реформ и к настоящему времени (80—е годы и наше время) осуществляется исследованием С.Климовой на основе методики Б.Ольшанского. Используется тест не-

оконченных суждений "Люди в нашем городе делятся на...", который предлагается различным целевым подвыборкам респондентов [13].

Гипотезы о целе — рациональности или ценностно—ориентационных механизмах идентификации: проверяются с помощью применения теста семантического дифференциала, предъявляемого группам по целевым подвыборкам и на идентичных с другими подпроектами объектах идентификации (Т.Баранова, О.Дудченко, А.Мытиль) [14].

Гипотезы о сдвигах в пропорциях самоидентификации и групповой идентификации проверяются в исследовании Т.Козловой (тест свободных ответов на вопрос: "Кто я?" — двадцать определений самого себя в свободной форме) [15].

Помимо того, пользуясь привилегиями директора Института социологии, руководитель этого проекта опирался также на анализ многообразных "примыкающих" данных, в числе которых исследования этнона — циональных идентификаций (проекты В.Шапиро и Р.Симоняна о становлении этнонациональной идентичности нерусских и русских в ино — культурной среде, проект Е.Игитханян о динамике социальной стратификации [16], проект М.Черныша относительно сдвигов в социально — стратификационном пространстве российского общества [17]).

II. Иерархия и структуры социальных идентификаций по данным общероссийского мониторинга (май 1992 - декабрь 1994)

1. Иерархия социально — групповых идентификаций

Многими исследователями установлено, что жесткая иерархия самоидентификации личности в современном обществе (кризисном тем более) весьма сомнительна. Как правило, социальные, ролевые идентификации субъекта ситуативны, контекстуальны. Вместе с тем, повторяющиеся социальные ситуации допускают утверждение о формировании более или менее устойчивой иерархии идентификаций [18].

По данным мониторинга (май 1992 — июнь 1994)*, а также в исследованиях другими методами, можно уверенно утверждать, что достаточно устойчиво сохраняется иерархия идентификационных предпочтений россиян (табл.1). В ней зафиксирована стабильная доминанта первичных групп и общностей над вторичными. Или, другими словами, доминанта групп, так сказать, повседневных практик над воображаемыми и конструируемыми общностями, т.е. наиболее подверженными изменениям. Напомним, что к группам повседневных практик мы относим семью, друзей, людей того же поколения, товарищей по работе, людей той же профессии. К воображаемым и конструируемым — те общности и группы, которые представлены в сознании индивидов, исходя не столько из собственного опыта, сколько из интерпретаций, предлагаемых СМК, или из общения с людьми, т.е. опосредованные массовой и межгрупповой коммуникацией. Это — люди той же национальности, того же достатка, те, кто имеет общие взгляды и ориентации, люди таких же жизненных стратегий и интересов; общность "советский народ", граждане России, граждане СНГ, все человечество.

Такой порядок идентификационных предпочтений объяснять однозначно как следствие кризисного развития было бы слишком упрощенно. Нам кажется справедливым рассуждение о том, что "на исходе жизни тоталитарного режима сформировалось нечто прямо противоположное его

СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ

идеологическим установкам, Установка требовала подчинения личного общественному, Но, вопреки проекту, к концу "брежневской" эпохи — у "входа" в перестройку обнаружился городской обыватель, человек, у которого преобладают интересы частной жизни, "раскрестьянный маргинал, по своей или чужой воле выброшенный из деревни в город, превратившийся в частное лицо" [20]. Состояние кризиса и муссируемая в СМК криминализация общества только усиливают проявление "эффекта улитки", ухода людей в частную жизнь, в рамки своих насущных забот. Отсюда и основной круг социального самоопределения и самореализации сужен до первичных групп. Кроме того, подобные наблюдения могут быть также и свидетельством еще слабо развитого социального воображения и рефлексии субъектов, их "закрытого сознания". Аналогичные идентификационные предпочтения обнаружены также и другими исследованиями (см., например, О.Н.Дудченко, А.В.Мытиль [21], Т.З.Козлова [15]).

Примечательно проявление сугубо российского социокультурного синдрома мировосприятия "простого человека", причем не примечательного "обывателя", который, по В.Далю, "всему делу корень" и который, по существу, выражает сегодня мироощущение значительного большинства населения (Ю.Козырев и П.Козырева [22]). Качественный анализ ответов на вопросы о групповой принадлежности ("Мы—концепция") и самоописания в нескольких словах собственной индивидуальности ("Я—концепция") обнаруживает в массовом общероссийском представительном опросе (декабрь 1992 г.) широко распространенное отчуждение "среднего человека" от мира большого социума, поглощение кругом повседневных, обычных дел и обыденных жизненных проблем, минимизацию своей ответственности за дела общества и даже за свое собственное будущее, обнаруживает человека, живущего преимущественно сегодняшним днем, "как и все другие" не склонного артикулировать свои "Мы — " и "Я — " концепции, напротив, даже демонстрирующего собственную ординарность, непретенциозность, обычность и, в то же время, — глубокое человеческое достоинство и стремление к традиционной справедливости, суть которой — не мешать жить по "человеческим законам" и обеспечить со стороны государства условия такой нормальной жизни. Социальная идентификация этого, возможно, доминирующего типа личности не списывается в классические категории социальной стратификации, ибо человек относит себя к простому народу, некоему символическому социокультурному образованию без четких границ, но с несомненным ощущением солидарности с такими же простыми людьми, судьбы которых вершатся где—то за пределами их самоконтроля и даже понимания происходящего в каких—либо социально — политических или социально — экономических категориях.*

Специального рассмотрения заслуживают данные относительно этнонациональной солидарности и солидарности гражданской. При этом надо иметь в виду, что мы имеем дело в основном с русскими (более 90% во всех исследованиях). Во—первых, этнонациональная идентичность русских или людей иной национальности доминирует над гражданской ("мы россияне"). Во—вторых, динамика опросов за 1,5 года указывает на увеличение этого разрыва [17]. Вполне очевидно, что в зонах межнациональных напряжений этническая идентичность обостряется. По данным Р.Симоняна (ИС РАН), этническая идентичность в республиках Балтии и на Кавказе выражена больше, чем в среднем у россиян. Аналогичные данные получены В.Шапира.

2. Идентификационные побуждения как барометр социального самочувствия (динамика идентификаций в период 1992 — 94 гг.)

Динамика идентификационных побуждений может служить своеобразным индикатором социального самочувствия и показателем состояния общества.*

Наиболее примечательный факт — спад решительно всех идентификационных побуждений (иногда для краткости будем говорить — идентификаций) весной—летом 1993 г. Однако в последующих замерах — наблюдается тенденция восстановления идентификационных устремлений. Если сопоставить данные на май 1992 и июнь 1994 (табл.2), то существенных различий практически не обнаруживается. А к ноябрю 1994 г. наблюдается очередной спад. Динамика идентификационных побуждений имеет как бы волнообразный характер и по всей видимости жестко связана с общим социально — политическим контекстом развития российского общества.

Можно выделить периоды заметных изменений идентификационных побуждений:

Первый период — относительная устойчивость идентификаций. Замеры в мае и в декабре 1992 г. служат точками отсчета. В них "заснято" состояние массового сознания дореформенного времени. Пережив распад "великой державы" и кризис идентичности в качестве ее граждан, люди находятся в состоянии растерянности относительно высших коллективных солидарностей. Утрачивается интерес к политике, пик которого наблюдался в 1989—1990 годы и рецидив — в конце 1992 г. [23]. По нашим данным, наблюдается некоторое усиление идентификаций с людьми, индифферентными к политике и теми, кто живет по принципу "как повезет".

Второй период — общий спад идентификационных побуждений — веста и лето 1993 года. Он характеризуется сильнейшими инфляционными скачками, снижением уровня реальных доходов населения в феврале и мае [24], открытым противостоянием президентской и парламентской властей. Кризис доверия к политическим и социальным институтам также приходился на лето 1993 года [23]. Затянувшееся начало реформ подорвало веру в новое руководство, его способность обеспечить ожидаемое повышение уровня жизни. Данные ВЦИОМ этого времени фиксируют высокие показатели депрессивно — астенических состояний у русских [23].

Декларируемые обществом цели вызывают определенные ожидания у граждан, а общество не в состоянии обеспечить средства для их достижения, не способно предложить новые коллективные солидарности [25].

Утрата чувств близости буквально со всеми группами отражает психологическое состояние, связанное с глубокой аномией, тогда особенно обостренной. В сознании людей российская трансформация зашла в тупик. 1993 год можно охарактеризовать как переломный для российского сознания: как бы совершается переход от политического к социальному миро-восприятию. Политические события стимулируют, но не политическое сознание и поведение, а социальные чувства и рефлексии.

Третий период — восстановление идентификационных побуждений, фиксированных в ноябре 1993 и июне 1994 гг. После октября 1993, когда президентская власть заявила себя в качестве единственной, начало формироваться новое политическое и социальное пространство, появились проблески надежды на стабильность. Интересы большинства населения все больше актуализируется в сфере повседневных материальных забот. Осо-

СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ

знание того, что общество не пойдет вспять, побуждает адаптироваться к новой ситуации, даже несмотря на то, что она не нормализуется. Это в частности, приводит к тому, что люди начинают доверять новым структурам (банкам, инвестиционным фондам, АО и т.п.). Возможно, это представляется началом реального конца распределительной экономики: перелом в сознании, за которым следует активизация адаптационных процессов к новой реальности.

Четвертый период (ноябрь 1994) — зафиксирован очередной спад идентификационных побуждений. Заметим, что в это время страна переживает последствия события, получившего название "черный вторник" (обвальное падение курса рубля) и последующую за ним лихорадочную реакцию. Как следствие — очередное обострение социально — экономической и политической ситуации. На обыденном уровне это означало неясность перспектив, нестабильность, затрагивающие повседневные материальные интересы большинства граждан. Доля отчужденных от практически всех названных групп вновь достигла показателей марта и июня 1993 г. (табл.2), а для некоторых групп — максимума за весь период наблюдения. Это относится к тем, кто не чувствует солидарности по политическим взглядам, не осознает гражданства СНГ, не ассоциирует себя с людьми, достигшими успеха.

Адаптационные процессы происходят прежде всего на уровне приспособления к повседневным условиям и сложностям социальной жизни и все более отдаляются от сферы политической. Результаты адаптации пока еще весьма хрупки и любое усиление нестабильности способно вызвать приступ аномии.

Наиболее показательны в этом смысле идентификации с группами, выделенными по характеру жизненных стратегий. Они претерпели наибольшую динамику. По нашим данным, к декабрю 1992 г. возрастает доля тех, кто руководствуется принципом "как повезет" (табл. 1 и 2) (открывается дискурс общества равных возможностей — "не упускай свой шанс", — но пока еще довольно туманно). К июню 1993 г. отвергающих этот принцип становится вдвое больше — на везение не рассчитывает уже каждый четвертый, по сравнению с каждым восьмым в декабре 1992 г. Новая реальность предлагает новые возможности и ориентиры того, как прожить и добиться успеха, об этом постоянно вещают с экрана, по радио и в газетах, возникает ощущение, что везение без затрат собственных усилий опять становится привлекательным и главное — возможным. И в последующих замерах (ноябрь и июнь 1994 г.), отвергающих принцип везения, становится меньше. Адаптация к новым возможностям проявляется, например, в таких действиях, как внесение денежных вкладов в коммерческие банки, приобретение акций. К ноябрю 1994 этот процесс подрывается скачком курса доллара.

Что касается ориентаций на тех, кто верит в будущее и сам делает свою судьбу, то здесь наблюдаются некоторые сдвиги. К лету 1993 не идентифицирующих себя с таковыми стало почти вдвое больше по сравнению с предыдущим годом (табл. 2), далее их число уменьшилось, а к ноябрю 1994 г. снова вернулось на уровень лета 1993 года.

Осознание собственных сил в соотнесении с новыми возможностями и надежда на будущее в дореформенные годы в 1993 году сильно ослабевают и трансформируются: люди понимают, что в одиночку своими силами сделать что-либо невозможно. По-видимому, появляется экстермальность,

направленная не в сторону государства как высшего социального гаранта, но к коллективным солидарностям, основанным на корпоративных интересах (см. Климова С.Г. [26]).

Надо сказать, что проявление чувства непричастности к людям, до — стигшим успеха, по показателям на ноябрь 1994 года, достигает максимума (37%).

Идентификационные стратегии как модели адаптации. Факторный анализ позволяет выявить латентные связи между переменными (объектами идентификации), поэтому мы воспользовались этим методом для обнаружения основных векторов, вокруг которых строятся идентификационные стратегии в массовом сознании.

Рассмотрим факторные матрицы, полученные после процедуры вращения методом VARIMAX (табл. 3, 4, 5, 6). Также была проведена процедура приписывания индивидуальных факторных значений и определения средних значений факторов по социально — профессиональным группам (табл. 7). Выделились четыре фактора, которые сохранили идентичные структуры во всех замерах мониторинга за исключением последнего.

Высокие нагрузки первого фактора получили: "семья и близкие", "люди того же возраста, поколения", "товарищи по работе, учебе", "люди, живущие в том же городе, поселке", "люди той же профессии", "люди той же национальности" (табл. 3, 4, 8). Мы называем этот фактор "вовлеченность в повседневные социальные связи". Социально — групповых различий по этому же фактору не наблюдается (табл. 9). Категоризация повседневного пространства максимально упрощена. Семья и близкие составляют нишу, где человек ищет защиту. Другие групповые образования в этом факторе связаны с ассоциацией культурных символов коллективностей, которые прочно привиты в сознании россиян в советское время. Так, профессиональные и производственные солидарности отражают ассоциацию с "трудовым коллективом"; ощущение поселенческой идентификации — с "земляками". Поколенческая солидарность для России особенно показательна, поскольку люди одного поколения — люди одной исторической судьбы (шестидесятники, поколение застоя и т.д.). Возможно, этим же можно объяснить и то, что в данную связку вошла национальная идентичность русских: в выборке до 86 — 88% представлены русские.

Два других фактора отражают ассоциативное соотнесение респондентов с определенными конструируемыми общностями и, на наш взгляд, наиболее демонстративны для понимания взаимосвязи жизненно — адаптационных стратегий с кругом индентификаций в реформируемом обществе.

В структуре одного из них (фактор 2) выделяются переменные: "те, кто не любят высовываться, а предпочитают жить как все", "те, кто уверен, что от его действий мало что зависит, главное — как повезет", "люди того же достатка", "неинтересующиеся политикой" (табл. 3, 5).

Это фактор "конформно—достигательной пассивности": присутствует стремление к сохранению своей позиции в жизни вместе со своим окружением (с людьми того же достатка, причем жить как все, значит жить не хуже других), надежда на возможный счастливый случай в достижении успеха ("как повезет") и продвижение по жизни вместе со своей стратой, не предпринимаемая попыток что—либо изменить ("не высовываться"). Этот фактор характеризует традиционно — обывательскую психологию в сочетании с утраченной субъектностью, доставшейся от советского прошлого.

СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ

Наибольшие средние значения этого фактора выявлены у крестьян, минимальные — у предпринимателей (табл. 8).

Следствие конформно—достигательной пассивности усматривается в таких явлениях, характерных для сегодняшних дней, как доверие акционерным обществам, коммерческим банкам, вклад денег под проценты. Надежда на случай и возможный успех, достигнутый не собственными силами, получили довольно массовое распространение.

Похожие рассуждения, основанные на анализе данных массовых опросов начала 90—х гг., мы находим у авторов книги "Советский простой человек", отмечающих, что "советский человек" отказывается от достижений: большинство опрошенных не видят ничего привлекательного в повышении собственной активности [33].

Во многом схожими с нашим толкованием полученного фактора мы видим соображения, высказанные И.М.Клямкиным [27], о том, что для сегодняшнего человека актуально совсем иное восприятие успеха, нежели его определение как феномена индивидуальной самореализации. Он ("советский человек") озабочен не столько самоутверждением, сколько приспособлением к условиям жизни ради элементарного выживания.

Однако наряду с указанной тенденцией обнаруживается и другая, где выражено активное субъектное начало. По данным первых двух замеров, третий фактор выделил переменные: "те, кто не ждет "манны небесной", а сам делает свою судьбу", "люди, близкие по политическим взглядам", "люди разделяющие те же верования и взгляды на жизнь". Здесь дискурс достижения заметен персонализирован и, следовательно, важен для объяснения процессов становления новых идентификаций. Поэтому в третьем замере в набор переменных мы добавили "те, кто достиг успеха, материальной независимости", и именно эта переменная вошла в структуру третьего фактора после вращения (табл. 5). К активности добавилось стремление к успеху.

Мы интерпретируем его как фактор "достигательной активности". Оценка своего успеха не выражается в ассоциации близости "с людьми того же достатка" (низкая факторная нагрузка этого суждения), а констатируется как самооценка ("сам делает свою судьбу") и самоощущение благополучия и оптимизма, разделяемое со своим кругом.

Этот фактор характеризует ассоциативные идентификационные стратегии в большей мере людей, занимающих высокие статусные позиции. Наиболее высокие средние значения по фактору имеют руководители высшего и среднего звена, предприниматели, более образованные и молодые, минимальные средние у крестьян.

В четвертом факторе значительны нагрузки крупных, скажем, конструированных общностей: "советский народ", "граждане СНГ", "все люди на планете". Мы называем его фактором символических идентификаций. Он сохранился на протяжении шести замеров (табл. 2,7).

Основания для выделения в одном факторе названных категорий — их символически абстрактная природа в противопоставлении конкретным реальным общностям и стремление к высшим солидарностям. Относительно высокие средние значения по этому фактору у пенсионеров и безработных (табл. 8). Такая несколько странная "локализация" наводит на мысль о компенсаторной функции символических солидарностей.

В седьмом замере мы добавили в состав номинаций признаки "те, кто оказался в числе постоянно нуждающихся в средствах для жизни", "те, кто

утратил возможность достичь своих целей в жизни и изъяли из списка переменных "все люди на планете". Факторизация дала следующие метаморфозы (табл.7).

— Первый фактор "реальные группы" остается без изменений.

— Структура второго фактора сохранила переменные, интерпретируемые как ориентация на "комфортно—достигательную" пассивность. К этому комплексу примкнули "советский народ" и "те, кто оказался в числе постоянно нуждающихся в средствах для жизни", что не противоречит ранее предложенной интерпретации, но даже укрепляет ее. Ощущение своего ухудшенного материального состояния и причисление себя к нуждающимся — "бедным" (значимая корреляция между переменными "люди моего достатка" и "нуждающиеся в средствах"), осознание собственного бессилия что—либо сделать, изменить ("от моих действий, мало что зависит") создают образ утративших достойное прошлое, но при этом не желающих ничего предпринимать ("не высовываться").

Значительные нагрузки в третьем факторе получили ассоциации с теми, "кто достиг успеха, материальной независимости", "кто не утратил веры в будущее", и "кто не интересуется политикой". Прослеживается явная ориентация на материальный успех, что служит основой для уверенности в завтрашнем дне независимо от происходящих событий (отключение от политической жизни).

— В четвертом факторе усилилась тенденция, выделившая переменные активной адаптации к новым условиям: "те, кто не ждет манны небесной, а сам делает свою судьбу", "люди с такими же политическими взглядами", "граждане СНГ". Категория "граждане СНГ" как феномен, появившийся в наши дни, по всей видимости, носит отпечаток современности, следования современному контексту. Похоже, что такая стратегия характеризует людей, которые следят за событиями в стране и рассчитывают на себя.

В последнем замере изъятие переменной "все люди на планете" лишило фактор "символической" нагрузки, и он распался.

3. Некоторые выводы по данным мониторинга 1992— 1994

Реформирование общества сопровождается колебаниями идентификационных ощущений и рефлексий. Пик социально — политического кризиса вызывает сильнейшую аномию и отчуждение буквально от всех социогрупповых образований и прежде всего — утрату ощущения солидарности с крупными социальными общностями. Первые признаки стабилизации побуждают людей адаптироваться к новой социальной реальности. Наблюдается усиление социально — групповых идентификаций.

Были выявлены тенденции построения идентификационных стратегий, которые, присутствуя в массовом сознании, по — разному выражены в различных социальных группах.

Первая тенденция, связанная с доминантой вовлеченности в повседневные социальные связи, отражает интересы, направленные на обеспечение и поддержание благополучия своей семьи, а также стремление найти поддержку в ближайшем окружении.

Противоположная тенденция — обращение к высшим коллективным солидарностям как символам, традиционно существующим в сознании россиян, возможно, связано с поиском защиты в превращенных образах высших гражданских гарантов и авторитетов прошлого. Не исключено, что

она имеет также и компенсаторную нагрузку (особо выражена в среде пенсионеров и безработных).

В основе двух других тенденций — ориентации на жизненные стратегии, которые обусловлены психологическими особенностями и социальным статусом индивидов. Именно они дифференцируют российское общество по способам адаптации. "Водораздел" формируется на линии принятия стратегии выживания или достижения. Первая характеризует тех, кто испытывает ощущение неспособности самоопределиваться в поломанном мире и обращается за поддержкой к прошлому. Противоположная стратегия по той же логике присуща людям, которые ощущают себя в настоящем и проявляют активность. Связь с будущим пока не определяется. О нем, по всей видимости, могут думать те немногие, кто опирается на достигнутый успех, выражающийся прежде всего в независимом материальном положении.

III. Обобщения результатов социопсихологических тестов на целевых подвыборках

Как говорилось в разд.1, в проекте использовались социопсихологические методики на малых выборках (25 — 30 чел.) из рабочих государственного и акционерного предприятий, инженеров тех же предприятий, брокеров и некоторых других. Все обследованные — мужчины в возрасте около 40 лет.

Наиболее существенные выводы из этих обследований следующие.*

Можно заключить, что люди испытывают действительно обостренную нужду найти себя в группах и общностях, притом большую, нежели потребность найти в себе силы для самостоятельного бытия.

По тесту Макпартленда "Кто я?" и сравнительным данным теста "неоконченные предложения" по исследованиям 1983 и 1993 годов (С.Климова), существенно возросли контрастные идентификации по критерию благосостояния (богатые — бедные). Отношения между людьми как разобщенные отмечали в 1993 г. до 20,3% всех испытуемых (N = 139 чел.), в сравнении с 13,7% в 1983 г., и как "неравные" — 22% против 6,5% в 1983 г.

В описаниях взаимоотношений сравнительно с 1983 г. появились термины "мафия", "гангстеры", "взяточники" и т.п., чего ранее не наблюдалось вовсе. То же можно сказать и о понятиях политико—идеологического комплекса, каковые крайне редко встречались прежде. С.Климова резюмирует выводы сравнительного анализа за 10—летний период [26, с.71] как **нарастание диффузной враждебности**, отчуждения от властных структур вследствие неприятия этих сообществ, игнорирующих нравственные ценности.

В стратегии "не портить отношения с теми, кто..." доминирует близкое окружение ("с кем вместе живу и работаю" — до 25% против 16,5% в 1983 г.), но существенно ослабла собственно нравственная компонента: "кто плохой, кого не люблю" (6% в 1993 г. против 13,7% в 1983 г.): "защитный прогматизм" во взаимоотношениях преобладает над ценностно—ориентационным (= следствие аномии, переживаемой российским обществом).

Эмотивная компонента идентичностей неплохо согласуется с вербализованной (когнитивной). Это хорошо видно при сравнении данных ответов как закрытый вопрос мониторинга (табл. 1) с данными семантиче-

ского дифференциала (СД), который фиксирует эмоциональную близость понятий "я сам" в сопоставлении с различными объектами идентификации (точнее позитивного настроения, отношения, как подчеркивает автор этого исследования Т.Баранова) (табл. 8).

Следует обратить внимание на расхождение семантических пространств "я сам" — "люди моей национальности" (СД = 1.2488) и "я сам" — "Россия" (СД = 2.1236), т.е. **расщепление идентификаций, этнонациональной и гражданской принадлежности** (табл. 8), что отмечает также М.Черныш, анализируя данные мониторинга [17, в кн. [29].

Социальное самочувствие как ощущение будущего, успеха или неуспеха благополучия или безрадостной жизни рассматривалось в исследовании О.Дудченко и А.Мытиль в качестве определенных объясняющих или интерпретирующих факторов социально — групповой идентификации.

Одно из важных заключений авторов этого исследования — искусственно затянутый период достижения профессиональной и социальной зрелости в советском обществе [28, с. 98]. Молодые люди долгое время находятся на иждивении родителей. Это подтверждалось и нашими исследованиями 70—х гг., где фиксировалось, что производственный мастер склонен доверять рабочему около 40 лет и старше, но не молодым, несмотря на то, что молодые в те годы были более образованы и имели квалификацию не ниже 40—летних рабочих. Аналогичный симптом "подростковости" нашего общества — движение солдатских матерей 94 — 95 гг., которое стало политической силой в протестных действиях против введения российских войск в Чечню. В аналогичной ситуации американские юноши — призывники в период войны во Вьетнаме действовали как взрослые мужчины и сами решали нравственную проблему участвовать в войне или уклониться от призыва в армию.

Комбинация феномена "подростковости" с условиями кризисного периода особенно резко обнаруживает себя в смещении временных перспектив саморегуляции поведения личности. Прошлое, настоящее и будущее представляются людям в искаженной перспективе. Классические парадигмы традиционного общества — "золотой век" — в прошлом, современного динамичного общества (советское общество в этом плане особенно отличалось) — в будущем. Как отмечает Н.Ф.Наумова [ ], кризисные периоды в жизни общества акцентируют настоящее и деформируют регулятивные функции прошлого (оно подчас становится прямым регулятором социального поведения в настоящем) и будущего, которое в силу непредсказуемости утрачивает активно — регулятивную функцию.

Данные О.Дудченко и А.Мытиль убеждают в присутствии таких деформаций (табл. 9).

Как видно из табл. 9, между идентификацией по временной шкале и социальным самочувствиям усматривается взаимосвязь: будущее воспринимается более положительно теми, кто лучше оценивает свое нынешнее положение, и, напротив, оценки нынешнего положения, тяготеющие к высоким значениям неблагополучия, сопряжены с ассоциациями "прошлое".

Авторы этого исследования фиксируют также (это видно по таблице) различия в статусной определенности обследованных групп: у заводских рабочих разбалансированная, устойчивая проблемность и экстернатальный локус—контроль (ориентация на поддержку государства наивысшие), у брокеров — более стабильное и относительное перспективное благополучие (проблемность ситуации воспринимается как норма).

СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ

Особенности идентификаций рабочих и предпринимателей.*

РАБОЧИЕ (особенно государственных предприятий) менее идентифицированы с большими общностями. По тесту "Кто я?" (Т.Козлова [15]) до 6% из группы рабочих описывают себя в качестве членов крупных общностей (народ, россиянин и т.д.), среди брокеров таковых до 22% (см. табл. 10). Самоописания в терминах, связанных с работой у рабочих акционерного предприятия минимальны (23% от всех описаний в этой группе против 57% у всех других) при 100% самоописаниях в понятиях семейных ролей (против 50% у брокеров). Рабочие обнаруживают также наибольший коллективизм.

По данным С.Климовой (тест неоконченных предложений), рабочие чаще других видят социальное пространство в понятиях "бедные — богатые" [26]. Среди рабочих, по данным С.Барановой [14] (семантический дифференциал), выше национальная идентичность (СД = 1.0181 против 1.7454 у брокеров).

Наконец, как отмечалось выше, рабочие более других переживают неопределенность своего социального статуса (бывший "ведущий" класс социалистического общества рухнул в нижние страты общества рыночных отношений [16]).

ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ (брокеры в нашем случае) отличаются наибольшим оптимизмом, более ориентированы в будущее, нежели рабочие или инженеры, существенно более активно адаптируются в многообразии социальных связей. Брокеры по семантическому дифференциалу более явно идентифицируют себя со своей работой и меньше с семьей. Вместе с тем, в этой социальной группе наблюдаются более заметные эмоциональные взаимосвязи между "Я сам" и политике — идеологическими общностями.

Вопреки ожидаемому более заметному индивидуализму предпринимателей мониторинг обнаружил достаточно высокую групповую конформность в этом социальном слое, а тест неоконченных предложений (С.Климова) — синдром "активности — коллективизма", хотя последний (коллективизм) наиболее ярко выражен в среде рабочих.

IV. Итоговые выводы и интерпретации

Что мы предвидели и чего не ожидали?

1. Системно—структурные изменения в социальных идентификациях, как и ожидалось, произошли, а именно: существенно доминируют идентификации с ближайшим социальным окружением, ослаблены символические и идеологические. Кроме того, наиболее продвинутая группа относительно более адаптированных в новых условиях — предприниматели — отличается обширным "составом" контекстуальных идентификаций с различными группами и общностями, тогда как наиболее расшатанная социальная идентичность ранее "лидирующего" класса рабочих обнаруживает себя в более явном замыкании на круг повседневного общения (семья, друзья) и привычных солидарностей с товарищами по работе.

В пользу названной гипотезы говорит также ломка всех идентификаций в периоды острых кризисов (в мае—июне 1993 года и в ноябре 1994 г. — начало обвальной инфляции рубля), наметившееся "расщепление" русской этно—идентичности и российской гражданственности, модификации состава факторов в панельных обследованиях (это говорит о процессе "структурирования" идентификационных побуждений).

2. Вторая ведущая гипотеза о сдвигах в сторону целе—рациональной идентификации и ослаблении ценностно—ориентационной не подтверждается.

С одной стороны, ценностно—идеологические объекты идентификаций размыты, а политико—идеологические ослаблены. Но с другой — утрата ценностных ориентиров компенсируется усилением нравственных, морально — оценочных суждений в самоописаниях себя, в оценках "своих" и особенно — "чужих". То, что можно назвать "диффузной враждебностью", "негативной идентичностью" (знаю, кем я не являюсь, но не очень понимаю, к каким группам и общностям я принадлежу) — все это основательно "замешано" на нравственно—этических представлениях о справедливости — несправедливости, честности — безнравственности.

Относительно более выраженная целе—рациональность обнаруживает себя, пожалуй, лишь в том, что люди вынуждены примириться с доминирующей несправедливостью и "не портить отношений" в кругу повседневного общения — печальная рациональность защитных механизмов адаптации к трудностям жизни.

3. Частные гипотезы проекта за краткий период наблюдений аккуратно проверены быть не могли. Подтверждается, что функции самовыражения и самореализации групповых идентификаций существенно уступают защитным ее функциям, особенно в слоях населения с низкими доходами и в сельской местности. Подтверждается также, что архаические солидарности (семья, близкое окружение и т.п.) доминируют над "модерными", т.е. "вторичными" (крупные общности). Но есть ли это особенность кризисного периода? Или это — норма человеческого бытия?

Не обнаружено ослабления вектора неприятия "чужих" и усиление толерантности. Эта тенденция как, мы полагали, должна проявиться в процессе стабилизации и выхода из кризиса, чего не произошло в обозреваемый период.

Неожиданность в исследовании — это удивительная устойчивость идентификационных иерархий (данные представительных опросов мониторинга), которая была поколеблена лишь в период острого кризиса весной 1993 г. и в ноябре 1994 г. Люди удивительно адаптивны! Эта способность российского человека адаптироваться к тяжелым условиям, проявляющаяся также и в отсутствии активных протестных массовых действий (помимо корпоративных выступлений работников той или иной отрасли) не перестает удивлять. При всеобщем недовольстве экономическим, политическим и духовно — нравственным состоянием общества — в основном выжидание лучших времен.

Пассивно—выжидательная стратегия адаптации определенно доминирует над активно—деятельной, каковая отличает немногих из "продвинутых" и относительно благополучных слоев населения.

Подходы к теоретическим объяснениям

Описанные тенденции могут быть объяснены с различных теоретических позиций.

Вполне очевидно, что в наблюдаемый период не происходило формирование социально—классовых солидарностей, вместо которых мы фиксируем, скорее, корпоративные. Это относится и к работникам наемного труда, и к работодателям в равной мере. В открытых суждениях "Кто я?", в тесте неоконченных предложений, в описаниях "Кто мы?" (Ю.Козырев и

СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ

П.Козырева [22]) ни разу не встречаются самоописания в понятиях классового противостояния, но имеют место (не часто) самоописания в терминах коллектива предприятия, отрасли, группы предпринимателей, профессии и т.п.

Маргинальные общности в соответствии с классической теорией действительно испытывает наиболее острую ломку прежних и неуверенное формирование новых идентичностей. Это прежде всего — рабочие.

Легитимация (социального расслоения) встречает сопротивление. Отсюда — достаточно заметная роль конструирования социальных отношений на основе привычных ценностей, и в особенности — доминанты критерия "бедность — богатство" как проекция идеологии социального равенства, тождественного уравнительности. Такое направление "упорядочения социального поля" стимулируется стереотипами, распространяемыми по каналам массовых коммуникаций (эффект "империализма масскоммуникаций", как писал П.Штомпка [31, с. 92], каковой особенно назойлив в непривычной для советского человека рекламе роскоши и самоуверенности банковских структур). Ломка системы "суперэго", т.е. устойчивых норм и ценностей при отмеченной "подростковости" общества, может объяснить эффект "потери себя" в кризисный момент весны 1993 г. и после "черного вторника" в ноябре 1994 г. ("обвал" рубля).

Контекстуальная идентичность обнаруживается преимущественно в группе более самостоятельных и менее экстернатальных (предприниматели), что соответствует бихевиористским подходам в психологии. И, напротив, компенсаторная идентификация с символической общностью "советский народ" или конструируемыми ("граждане СНГ") свойственна наименее защищенным группам (пенсионеры, безработные).

"Негативные идентичности", как опознание чужих" при неопределенности самоидентификации — феномен, объясняемый нашей "минитеорией" для кризисного общества. Позитивное ее выражение: "найти других, чтобы найти себя" — такой механизм вполне объясняет явление, рассмотренное Ю.Козыревым и П.Козыревой [22], которые установили, что до 15% отвечающих на вопросы "Кто мы?" и "Кто я?" не способны этого сделать и предпочитают говорить, что они ничем не отличаются от других "простых" людей. Но те же индивиды определенно указывают на "не своих" — богатеев, жуликов, рвачей, политиков и т.д.

В понятиях теории динамического хаоса И.Пригожина ломка идентификационных побуждений в период острых кризисов и устойчивое доминирование "сомосохранительных", "защитных" идентичностей с семьей и ближайшим окружением объясняется утратой доверия к социально — системной устойчивости и в качестве естественной человеческой реакции — стремлением формировать собственные локальные минисистемы относительно стабильных взаимосвязей, которые и обеспечивают потребность включения в социум, но теперь уже суженный до пределов узкого круга "своих", с кем индивид находится в осязаемых межличностных взаимоотношениях.

Диспозиционная теория [32] акцентирует ослабление высших диспозиций личности (ценностно—ориентационных) и активизацию нижних (обобщение и ситуативные социальные установки) в ситуациях стресса. Это должно обеспечивать сохранение достойной личностной самооценки. И такое объяснение уместно, если иметь в виду ослабление идентичности с политико — идеологическими общностями, но кажется неуместным, если

вспомнить активированную функцию нравственных критериев при самоопределении в социальном пространстве. Однако в этом случае теория предполагает снижение самоуважения, что действительно имеет место (утрата чувства гордости за "Великую державу", тяга к религии и церкви подавляющего большинства атеистов, что также не повышает самооценки, как и отказ от прежних идеологических догм).

Идея этого мультитеоретического "пассажа" — показать, что мы не следуем какой—либо жесткой теоретической концепции, но и не отказываемся от попыток найти объяснения (не только интерпретировать) полученным данным.

Зигмунт Бауман в личном письме В.Ядову по поводу наших публикаций замечает: "Я с тобой вполне согласен, что существующие аналитические рамки для объяснения и даже упорядочения того, что в России происходит, просто не годятся без существенной переработки. ...Но мне кажется, что разрабатывать альтернативные истолковательные модели просто рано. Помню и забыть не могу предостережение Маяковского: "Не пишите эпических полотен во время революций — все полотно изорвут...". Он даже не подозревал, как был прав" (10 января 1995 г.). Трудно не согласиться насчет эпических полотен и альтернативных моделей. Вместе с тем вполне разумно использовать уже имеющиеся концептуальные схемы для хотя бы частичного истолкования того "динамического хаоса", в котором пребывает российское общество. Это мы и пытались сделать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дилигенский Г.Г. Относительно теории человеческих потребностей // Вопросы философии, 1976, N 9; 1977, N 2.
2. Здравомыслов А.Г. Проблемы власти в современной социологии // Материалы конференции "Многообразие интересов и институты власти". М., 1993 (в печати).
3. Баранова Т.С. Психологическое исследование социальной идентичности личности; Качанов Ю.Л. Теоретические модели социальной идентификации личности // В кн.: Социальная идентификация личности (под ред. В.Ядова). М.: Институт социологии РАН, 1993.
4. Tajfel H., Experiment in intergroup discrimination — Scientific American, 1970. Vol. 223.
5. Peter du Preez. A Strategic theory of Social Identity — presented on the conference of Political Psychology. Helsinki, June 1991.
6. Социальная идентификация личности (под ред. В.Ядова). М.: Институт социологии РАН, 1993. Статьи: Качанов Ю.Л. Теоретические модели социальной идентификации личности; Качанов Ю.Л., Шматко Н.А. Семантические пространства социальной идентичности; Климова С.Г. Возможности методики неоконченных предложений для изучения социальной идентификации; Дудченко О.Н., Мытиль А.В. Семейная самоидентификация в кризисном обществе (опыт использования техники семантического дифференциала).
7. Касьянова К. К вопросу о русском национальном характере (в печати).
8. Кон И.С. В поисках себя (личность и ее самосознание). М., 1984.
9. Parsons T. The Social System. Glencoe, vll., Free Press, 1954.

СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ

10. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности (ред. В.А.Ядов), М., 1972.
11. *Bauman Z.* Intimations of Postmodernity, London, Routledge, 1992; *Coser R.L.* In defense of Modernity. Role complexity and Individual Autonomy: Stanford, Calif, Stanford Univ.Press, 1991.
12. *Fromm E.* Escape from freedom. N.Y., 1941; *Giddens A.* Modernity and Self Identity. (Self and Society in the late Modern Age). Cambridge, Polity Press, 1991; *Marcuse H.* One — dimensional man, Boston, 1964; *Sztompka P.* Society in action the theory of Social becoming. Cambridge, Polity Press, 1991.
13. *Климова С.Г.* Возможности методики неоконченных предложений для изучения социальной идентификации // В кн.: Социальная идентификация личности (под ред. В.Ядова). М.: Институт социологии РАН, 1993.
14. *Баранова Т.С.* Психологическое исследование социальной идентичности личности // В кн. [29]; Дудченко О.Н., Мытиль А.В. Социальная идентификация и адаптация личности // В кн. [29].
15. *Козлова Т.З.* Самоидентификация некоторых социальных групп их тесту "Кто я?" // В кн. [29].
16. *Игитханян Е.Д.* Самоидентификация в социально — ролевой структуре и основание направления ее изменения // В кн. [6]; Она же — Самоопределение в стратификационной системе общества // В кн. [6].
17. *Черныш М.Ф.* Социальная идентификация претерпевающих восходящую и нисходящую мобильность // В кн. [6]; Он же. Национальная идентичность: особенности эволюции // В кн. [29].
18. *Glenn Willeg M. and Alexander Ir. N.* From Situated Activity to Self Attribution: The Impact of Social Structural Schemata // Self and Identity: Psychosocial Perspectives. Ed. by K.Yardley and T.Honess. John Wiley and Sons ltd., 1987.
19. *Данилова Е.Н.* Идентификационные стратегии: российский выбор // В кн. [6]; *Данилова Е.Н., Ядов В.А.* Контуры социально — групповых идентификаций личности в современном российском обществе // В кн. [6].
20. *Клямкин И.М.* Историческая незавершенность советского человека // Этика успеха. Тюмень — Москва, 1994.
21. *Дудченко О.Н., Мытиль А.В.* Семейная идентификация... // В кн. [6].
22. *Козырев Ю.Н., Козырева П.М.* "Средний класс" как символ и реальность // В кн. [29].
23. *Гудков А.Д.* Русское национальное сознание: потенциал и типы консолидации // Куда идет Россия? М.: Интерцентр, 1994.
24. Обзор аналитического центра при Президенте РФ. Известия — экспертиза, 12 октября 1994.
25. *Merton R.K.* Social Theory and Social Structure. N.Y. Free press, 1957.
26. *Климова С.Г.* Стратегия успеха в меняющемся мире // В кн. [29].
27. *Клямкин И.М.* Историческая незавершенность советского человека // Этика успеха. Тюмень — Москва, 1994.
28. *Дудченко О.Н., Мытиль А.В.* Социальная идентификация и адаптация личности // В кн. [29].
29. Социальная идентификация личности —2. (под ред.В.А.Ядова). М.: Институт социологии РАН, 1994.
30. *Наумова Н.Ф.* Влияние переходных социальных структур на социальные качества человека. М.: Институт социологии РАН, 1990. С. 8 — 15.

МИР РОССИИ. 1995. №3-4

---

31. *Stompka Piotr*. The Sociology of Social Change. Oxford: Blackwell Publishers, 1993.

32. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности (ред. В.А.Ядов). М.: Наука, 1972.

33. Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90 —х / Под ред. Ю.А.Левады. М.: Мировой океан, 1993.

ПРИМЕЧАНИЯ:

* *Опросы мониторинга — формализованное интервью. Формулировка вопроса "Как часто Вы ощущаете близость с разными группами людей, с теми, о ком Вы могли бы сказать "Это — мы"? Шкала для ответов: часто, иногда, никогда не чувствую близости". Подробнее см. в публикациях Е.Даниловой [19] и в разделе 2.2.*

* *Заметим, кстати, что в нашем опросе 1992 года были "осведомлены" о несуществующей партии "кухтеристов" до 5% в общероссийской выборке, а в опросе Н.И.Лапина в 1994 г. "знакомых" с "кухтеристами" как с общественным движением оказалось... почти 40%. (Правда, 14 % опрошенных им не очень доверяют, а 13% не доверяют вовсе).*

* *Эту динамику мы отслеживаем по распределениям в негативной зоне ответов ("никогда не чувствую близость с данными группами") (табл. 2).*

* *Подробнее см. в кн. [29].*

* *См. также табл. 7 — факторные значения по группам, выделенным в общероссийской выборке.*